

В салоне автомобиля воцарилась гнетущая, почти осязаемая тишина.

С потолка струился слабый, приглушенный свет, погружая лица обоих мужчин в глубокий полумрак.

Ши Цзянь сидел рядом с Чу Юнем, покорно опустив голову. Сложив руки на коленях, он старался быть максимально незаметным, почти перестав дышать.

Было очевидно, что недовольство молодого господина вспыхнуло из-за того, что Ши Цзянь самовольно удалился и, в довершение всего, сел не в тот автомобиль.

Чу Юнь с холодным безразличием откинулся на спинку кожаного сиденья, глядя в окно, где в стремительном ритме проносились размытые неоновые огни ночного города.

Он не проронил ни единого слова, но всё его существо излучало такую тяжелую, подавляющую ауру, что её можно было почувствовать почти физически.

Молчание затягивалось, становясь невыносимым. Ши Цзянь почувствовал, что больше не может так молчать и должен хоть что-то сказать, чтобы разрядить обстановку.

Он снова допустил ошибку.

И хотя в основе его поступков лежала искренняя забота о галерее «Наследие» и о самом Чу Юне, ошибка всё равно оставалась ошибкой. В такой ситуации любые оправдания казались бессмысленными и жалкими.

Никакие объяснения не могли изменить уже случившегося и не в силах были стереть причины произошедшего.

Таково было твердое и неизменное убеждение Ши Цзяня.

- Прости... - тихо прошептал он.

Стоило этим словам сорваться с его губ, как он мгновенно пожалел о сказанном.

Эти короткие слова стали настоящим табу с того самого момента, как он получил свою награду; Чу Юнь просто терпеть их не мог.

Разумеется, сейчас его разум работал на пределе возможностей, и он был совершенно не в состоянии хладнокровно справиться с ситуацией или подобрать правильные слова.

Даже он, человек, который на благотворительном вечере – в месте, где чувствовал себя абсолютно чужим, – не позволил никому задеть свою гордость, сейчас не смог сдержать тяжелого, тайного вздоха в самой глубине души.

По привычке он бессознательно сжал свое пустое запястье, мучительно раздумывая, что еще можно сказать, чтобы Чу Юнь снова нашел в себе силы его простить.

Тем более что за последнее время он совершил слишком много промахов.

- Прости? - Чу Юнь усмехнулся и холодно добавил. - И правда, долго же ты пробыл снаружи, нахватался всякой гадости.

Ши Цзянь совершенно не понимал, к чему была эта колкость и что именно имел в виду собеседник.

- Ну, говори, - взгляд Чу Юня был ледяным. - За что извиняешься?

Ши Цзянь замер на месте. Такого вопроса он никак не ожидал.

В отношениях с Чу Юнем он, казалось, не сделал ни одного верного шага, и даже сам Ши Цзянь признавал, что зашел слишком далеко в своих заблуждениях. Пожалуй, самой большой его ошибкой стало то, что он каким-то необъяснимым образом попытался выйти из-под опеки Чу Юня.

Один единственный неверный шаг - и вся его жизнь пошла наперекосяк.

- Я не должен был... позволить той деревянной фигурке... - начал он, запинаясь.

- Деревянной фигурке? - перебил его Чу Юнь.

Голос Чу Юня внезапно стал на несколько тонов выше, резко обрывая Ши Цзяня, который в этот момент мучительно пытался решить, в чем именно ему стоит признаться в первую очередь.

Похоже, этот выбор оказался крайне неудачным.

Ши Цзянь почувствовал отчаянное желание коснуться чего-нибудь материального: холодного стекла флакона или острого грани бриллианта - чего угодно, что помогло бы ему заземлиться.

Но под рукой сейчас не оказалось абсолютно ничего.

- Я что, снова доставил тебе проблем? - Ши Цзянь произнес эту фразу и тут же горько пожалел о ней.

- Твоя самая большая проблема заключается в том, что ты вечно полагаешь, будто не доставляешь мне проблем, - холодно ответил Чу Юнь. - Неужели ты думаешь, что, просто проглатывая обиды, сможешь решить вопрос? Позорище.

- Пятьсот тысяч? - Чу Юнь насмешливо прищурился, глядя на него с нескрываемым презрением. - Откуда у тебя взялись пятьсот тысяч? Украл?

И это была правда: одежда и украшения, которыми он был облечен с головы до ног, вполне могли стоить пятьсот тысяч, но сам Ши Цзянь за душой не имел ни единого гроша.

Голос Чу Юня, подобно острому ножу, полосовал его, слой за слоем сдирая с него дорогую одежду и обнажая перед миром жгучий, невыносимый стыд.

В конце концов, он снова стал причиной того, что молодой господин был вынужден опозориться.

- Прости... - снова выдохнул он.

В конечном счете, в его арсенале остались только эти жалкие слова.

- Останови машину, - приказал Чу Юнь.

Ши Цзянь невольно вздрогнул от этого резкого тона.

Водитель привычным, отточенным движением нажал кнопку перегородки на центральной консоли и быстро припарковал автомобиль в подходящем для этого месте.

Ли Чжися, сидевший на переднем пассажирском сиденье, обменялся многозначительным взглядом с водителем и поспешно вышел из салона, отойдя на несколько метров, чтобы тихо ждать снаружи.

В салоне мягко переливалась приглушенная фоновая подсветка, а все внешние шумы города были полностью отсечены толстым слоем звукоизоляционного стекла.

Внутри автомобиля вновь воцарилась тяжелая, давящая тишина.

Чу Юнь резко подался вперед, мертвой хваткой вцепился в запястье Ши Цзяня и с силой потянул его на себя, отчего тот с глухим стоном вжался в мягкую спинку сиденья.

Чу Юнь буквально перебрался через него, упершись коленом в его бедро, и грубо заставил Ши Цзяня поднять голову, чтобы тот был вынужден встретиться с ним взглядом.

- Когда ты, наконец, запомнишь мои слова? - прошипел он.

Какие именно слова? - Ши Цзянь пребывал в полном смятении.

Он всегда отличался плохой памятью на многие вещи, но всё, что касалось Чу Юня, было единственным исключением - он искренне старался помнить абсолютно всё, до мельчайших, самых незначительных деталей.

Однако даже при таком усердии пробелы в памяти всё равно оставались.

В конце концов, его разум был надломлен и не совсем здоров.

Ши Цзянь смог подобрать лишь одну короткую фразу, чтобы попытаться хоть немного успокоить другого:

- Я запомнил, - тихо ответил он.

Хватка Чу Юня на его запястье становилась всё сильнее, а появившаяся на губах улыбка заставляла кровь в жилах Ши Цзяня буквально стынуть от ужаса:

- И что же именно ты запомнил? То, как эффективнее всего злить меня?

Такого облика Чу Юня он не видел уже очень давно, и Ши Цзянь, преодолевая физическую боль, отстраненно подумал: «Как же это хорошо».

Это странное чувство дарило ему ощущение, будто он наконец-то снова ожил.

Ледяная пустота, в которой он пребывал всё то время, что находился вдали от мира Чу Юня, внезапно рассеялась, и он вновь обрел утраченное чувство принадлежности.

Он был совершенно очарован этим моментом и потому подсознательно не сводил замороженного взгляда с лица Чу Юня.

Это был поистине яростный, почти жестокий поцелуй, который Ши Цзянь принял всем сердцем в одно единственное мгновение.

Чу Юнь набросился на него с такой неистовой силой, словно хотел полностью поглотить его, раздробить на части и присвоить себе без остатка.

Просторное заднее сиденье было разделено встроенным винным шкафом, который внезапно стал помехой, преградив путь безудержным, жадным движениям Чу Юня.

- Проклятая колымага! - в ярости выругался он.

Это был далеко не первый раз, когда его замыслы наталкивались на препятствия, однако данный автомобиль при проектировании явно не предназначался для подобных занятий.

Чу Юнь в раздражении пнул обшивку салона, и этот нелепый жест вызвал у Ши Цзяня невольную, слабую улыбку.

Услышав этот тихий смешок, Чу Юнь, вопреки ожиданиям, внезапно успокоился. Он снова навис над ним, плотно прижавшись своим лбом к его лбу:

- Так сильно любишь мне перечить?

- Нет, - прошептал Ши Цзянь, одарив его нежным, почти невесомым поцелуем.

Как он вообще мог его ненавидеть? Неважно, играл ли он свою роль или был самим собой - в любой из этих ипостасей он просто любил его всем своим сердцем, до самого дна души.

Чу Юнь резко схватил его за волосы, заставляя закинуть голову и пристально глядя в глаза, и с какой-то злой насмешкой спросил:

- У тебя что, совсем нет чувства собственного достоинства?

Может, и было, а может, и нет.

Ши Цзянь смотрел в лицо Чу Юня, и в этом взгляде он сам уже не мог разобрать правды.

Последние годы его жизни прошли словно в густом, непроглядном тумане, и сейчас ему было невыносимо трудно ответить на этот вопрос: осталось ли в нем самом хоть какая-то крупица собственного достоинства, когда он находился перед Чу Юнем?

Поэтому он решил ответить не словами, а действием: обхватив лицо Чу Юня ладонями, он снова прильнул к его губам, вкладывая в этот поцелуй всю свою невыразимую, накопившуюся тоску.

Несмотря на то что они виделись сегодня утром, с того самого мгновения, как он переступил порог банкетного зала, Ши Цзянь чувствовал, как невыносимо сильно он скучает по нему, как отчаянно жаждет его близости.

Этот поцелуй спровоцировал еще более страстный, почти яростный ответ.

Чу Юнь, стоя на коленях в просторном пространстве для ног, полностью подчинил себе каждое движение его тела, не оставляя места для маневра.

Он властно подался вперед и, обжигая дыханием, прошептал ему прямо в ухо:

- Тогда попробуй вот так...

Едва он закончил фразу, как спинка сиденья плавно и медленно откинулась назад. Чу Юнь убрал пальцы с кнопки управления, нетерпеливо дернул Ши Цзяня за галстук, притягивая к себе, и снова навис сверху.

Это полулежачее положение лишь сильнее обострило чувство стыда, смешанного с возбуждением.

Дыхание обоих стало прерывистым, тяжелым, заполняя собой всё пространство салона.

- Постарайся, - губы Чу Юня едва коснулись его закрытых век. - Верни три миллиона, что ты мне должен.

Интерьер «Куллиана» был воплощением предельной роскоши, а мягкий подголовник оказался слишком удобным, что в данный момент лишь мешало, лишая Ши Цзяня какой-либо возможности найти твердую опору.

Ши Цзянь подсознательно обхватил руками того, кто находился сверху, и когда молодой господин сам окончательно сел на него, у него на мгновение перехватило дыхание от этого внезапного давления.

- Если еще раз посмеешь так легко сдаться, пеняй на себя.

Губы Чу Юня плотно прижались к самому кончику уха Ши Цзяня, и в его низком голосе в этот момент было совершенно невозможно разобрать, что это - кокетливый флирт или холодная угроза.

Ши Цзянь был слегка озадачен.

Он, человек, который никогда не смел спорить, стараясь во всем угодить молодому господину и доставить ему удовольствие, в этот миг тоже хотел с достоинством заявить: «Я никогда не сдавался».

Так к чему же были эти слова?

Однако мужчина, который привык искать все причины своих бед исключительно в себе, не стал бы придирается к любимому человеку из-за пустяков. Поэтому он решил воплотить в жизнь призыв «постараться», усердно выплачивая свой воображаемый «долг».

Тесное пространство салона, ограниченное перегородкой, делало каждое случайное прикосновение еще более интимным, плотным и обжигающим.

Чу Юнь, восседая сверху, поначалу взял на себя всю инициативу, но вскоре его переполнило настолько, что он утратил способность двигаться свободно. Его тело напряглось, а поясница выгнулась крутой дугой, и он неестественно свернулся, словно креветка, от избытка

ощущений.

Ши Цзянь, который всегда оставался лишь покорным исполнителем, уловив негласное указание в постепенно меняющемся, срывающемся голосе молодого господина, крепко обхватил его за талию и ответил еще более яростно и требовательно.

Находясь на самой грани потери контроля, Чу Юнь весь задрожал. Он с трудом высвободился из рук Ши Цзяня и, не в силах больше сдерживаться, попытался отстраниться, словно в бегстве от собственного наслаждения, но в то же мгновение был снова схвачен...

И был с силой прижат обратно на прежнее место.

Пот, выступивший на пояснице молодого господина, сделал ладони Ши Цзяня скользкими, из-за чего захват стал ненадежным и неконтролируемым, что вызвало у него легкое недовольство.

Ши Цзянь, который всегда стремился угодить Чу Юню во всем, мгновенно понял, в чем дело, и сменил позу: он обхватил предплечьем ту самую влажную от пота поясницу и крепко, почти до боли, прижал его к себе.

Они слились в еще более тесном, неразрывном объятии, и каждое новое движение стало глубже и пронзительнее.

Сдавленный, надрывный стон так и не смог вырваться наружу, задохнувшись где-то глубоко в горле.

Неконтролируемая дрожь, сотрясавшая тело Чу Юня, была неизбежной, но в то же время желанной; волна за волной она возносила его на самую вершину блаженства.

...

Постепенно в салоне вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь их сбивчивым, тяжелым дыханием.

Обессиленный Чу Юнь лежал на Ши Цзяне, с закрытыми глазами прислушиваясь к тому, как бешено и неритмично колотится его собственное сердце.

Стук их сердец слился в единый, мощный ритм, словно они только что вместе прошли через смерть и вновь родились.

- Ли Чжися, - Ши Цзянь одной рукой обнял потерявшего рассудок от наслаждения и тяжело дышащего мужчину, заботливо накрыл его потное, вызывающе обнаженное тело своим пиджаком и набрал номер помощника.

Автомобиль снова плавно тронулся с места, бесшумно растворяясь в ночной мгле.

Молодой господин, который не терпел ни малейшего намека на дискомфорт, теперь больше

всего на свете полюбил этот «диван из натуральной кожи», который оказался для него идеальным.

Ши Цзянь не смел больше шевелиться, позволяя Чу Юню и дальше уютно устроиться на себе, разделяя одно сиденье на двоих.

«Действительно прекрасная машина», – всерьез подумал Ши Цзянь, еще крепче прижимая его к себе. – «Совсем не колымага».

□Чу Юнь щедро потратил три миллиона, защищая детские мечты, и создал прекрасную благотворительную историю вместе с Ши Цзянем□

□Самый трогательный момент благотворительного вечера: доброта, скрытая за дорогостоящей деревянной фигуркой□

«Величайшее, лучшее и самое яркое» проявление щедрости Чу Юня, а также его «нескончаемая философия благотворительности» невольно принесли Чу Хуан неожиданную выгоду.

Вместе с этой темой, помимо официальных фотографий с благотворительного вечера, в сети начал стремительно распространяться снимок Ши Цзяня, в руках которого была еще не законченная «деревянная фигурка оленя».

На снимке он улыбался с бесконечной нежностью, а другой рукой по-доброму касался головы ребенка, чье лицо было скрыто цензурой.

Эта фотография, появившаяся из неизвестного источника, лишь сильнее подтвердила правдивость всей истории, намертво связав образ Ши Цзяня с понятием «истинной благотворительности» и вызвав совершенно неожиданный, мощный позитивный отклик у публики.

Можно было сказать, что всё сложилось наилучшим образом – настолько идеально, что Чу Хуан невольно улыбалась, глядя на сменяющиеся на экране монитора фотографии.

Сун Ичжоу, не скрывая радости в голосе, сообщила:

– Совет директоров Ленор одобрил решение. Амбассадор в Азии официально сменился.

Чу Хуан с удовлетворением откинулась на спинку своего кресла и тихо рассмеялась. Она наконец-то дождалась этого момента.

Изначально вопрос о рекламном сотрудничестве был решен окончательно.

Рекламный ролик уже был снят, и Чэнь Линьфэн, преисполненный уверенности, лишь ждал момента официального объявления, надеясь с его помощью триумфально выйти на международную арену высокой моды.

Однако неожиданное появление на обложке журнала VGO Jewelry полностью перевернуло ситуацию.

Галерея «Наследие» в порядке исключения предоставила сапфировый гарнитур «Звездная ночь», и то, насколько идеально Ши Цзянь сочетался с этими элитными ювелирными изделиями, с неудержимой силой приковало к себе внимание всего мира.

Колоссальный успех журнала принес выгоду многим сторонам.

Благодаря гарнитуру «Звездная ночь» Ши Цзянь поднялся на новую высоту художественного самовыражения, а своим природным обаянием обеспечил галерею «Наследие» еще большую мировую известность и придал ей дополнительную «художественную» ценность.

Этого Чэнь Линьфэн, будучи типичной, «традиционной» звездой, предложить просто не мог.

Чу Хуан слегка кивнула и спросила:

- Как обстоят дела в Редженс Медиа?

- Всё готово, - незамедлительно отозвалась Сун Ичжоу.

- Разве Се Юйцяо не обожает обвинять нас в «капиталистических манипуляциях»? - уголки губ Чу Хуан приподнялись в ироничной улыбке. - Что ж, пусть теперь посмотрит, что такое настоящий капитал.

<http://bllate.org/book/17941/1720619>